

ГЛУБИНА СНА

роман

Сюжетник

Глубина сна

«Автор»

2026

Сюжетник

Глубина сна / Сюжетник — «Автор», 2026

Майлз Кейн — архитектор снов: он строит города из правил и ведёт команду в глубину чужого подсознания. Уолтер Пайк нанимает его, чтобы внедрить в разум Виктора Ланга мысль, которая разрушит враждебное слияние. Доктор Нора Эшфорд держит пульс между слоями. Коул Мерсер носит чужие лица, Айви Бреннан готовит седатив, Деймон Шоу открывает рывки — двери обратно наверх. Три слоя: туманный Сиэтл, дождливый Бостон, пустыня у Солт-Лейк-Сити. Каждый уровень умножает время. Каждый рывок — ставка. Лимбо ждёт опоздавших. А в архитектуре Майлза до сих пор живёт память о Елене — жене, которую он не смог вытащить из глубины. Психологический триллер о цене правды, которую можно посадить в чужую голову только на дне сна. Для тех, кто любит напряжённые истории о команде, вине и выборе между заказом и совестью.

© Сюжетник, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пробуждение на Пирс-роуд	5
Глава 1. Офис на Мичиган-авеню	8
Глава 2. Лаборатория Норы	11
Глава 3. Сбор команды	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сюжетник

Глубина сна

Пролог. Пробуждение на Пирс-роуд

Майлз Кейн проснулся не в своей постели — на полу лаборатории на Пирс-роуд, где пахло медью, озоном и чужим потом. Потолок плыл, как вода в стакане, и секунду он не понимал, где кончается сон и начинается Чикаго. Тотем — стеклянная шахматная фигура, королева без короля — лежал в ладони целым. Холодный. Значит, он ещё здесь. Значит, ещё не всё потеряно. Значит, мир снаружи, возможно, существует.

Рядом гудел монитор. Зелёная линия пульса ползла по экрану, как червяк по стеклу. Доктор Нора Эшфорд смотрела на него без приветствия — так смотрят на пациента, который снова нарушил протокол и снова выжил назло цифрам. На её халате было тёмное пятно у манжета — кофе или кровь, в этом свете не разобрать. Волосы собраны туго, будто даже причёска обязана держать дисциплину.

— Ты опоздал на рывок на двенадцать секунд, — сказала она. Голос ровный, почти медицинский. — Двенадцать секунд в третьем слое — это часы. Коул остался там.

Майлз сел. Мир качнулся, потом встал на место с неохотой, как пьяный, которого просят быть трезвым. За окном был Чикаго — настоящий, зимний, без пощады: снег шёл косо, фонари желтели сквозь мороз, река лежала под мостами чёрной полосой. Где-то в башне на Мичиган-авеню Уолтер Пайк уже ждал отчёт, поправляя золотую фишку в пальцах. Где-то в голове у Виктора Ланга ещё жила мысль, которую они внедрили — или не внедрили. Майлз не знал. Впервые за десять лет работы архитектором снов он не знал, и это знание об отсутствии знания било сильнее любой паники.

Он потёр виски. Под пальцами — след от ремня кресла, синяк, который реальность ставит в паспорт. В углу лаборатории валялся кабель, перекрученный так, будто кто-то в агонии пытался вытянуть из него смысл. На стене — схема трёх слоёв: Сиэтл, Бостон, пустыня. Красным маркером кто-то обвёл слово «лимбо». Почерк Норы.

— Елена? — спросил он тихо.

Нора отвела глаза. В этом жесте было больше правды, чем во всех её протоколах.

— Не сегодня, — сказала она. — Сегодня Пайк. Сегодня Ланг. Сегодня ты собираешь кабели и делаешь вид, что двенадцать секунд — это ошибка оборудования, а не характер.

Он поднял тотем. Фигура была холодной. Холод — хороший знак. Тёплый тотем — сон. Тёплый тотем — ложь, в которую хочется верить сильнее, чем в рассвет. Майлз встал, собрал разбросанные кабели, как будто мог собрать и время. Руки дрожали мелко, почти незаметно — дрожь человека, который слишком долго держал чужие города в голове.

Нора протянула ему стакан воды. Вода пахла хлором и лабораторией. Он выпил, чувствуя, как горло вспоминает, что принадлежит телу.

— Коул жив? — спросил Майлз.

— В лимбо «жив» — слово без страховки. — Она щёлкнула переключателем монитора; экран погас, и комната стала темнее на один слой. — Его линия оборвалась в момент рывка. Я видела пик. Потом — ноль. Не смерть. Обрыв. Как провод, который перегрызли зубами.

Майлз закрыл глаза. За веками вспыхнул мост над заливом, чёрная вода, лицо Ланга, когда прозвучало слово «сын». Потом — белизна, в которой тонут имена. Он открыл глаза раньше, чем белизна успела стать уютной.

— Пайк знает?

— Пайк всегда знает раньше нас. Или делает вид. Разница для него декоративна.

За стеной кто-то кашлянул — вероятно, ночной охранник, нанятый за молчание и плохой кофе. Пирс-роуд никогда не была адресом, который пишут на визитках. Здесь строили входы в чужие головы и выходы, которые иногда работали. Здесь Елена когда-то смеялась над его чертежами и говорила: «Если здание кажется знакомым — проверь окна. В снах их всегда на одну больше».

Майлз достал из кармана потрёпанный блокнот. На первой странице — дата восемь лет назад и фраза её рукой: «Не строй из меня двери». Он перелистнул дальше, к сегодняшнему Сиэтлу. Дождь. Отель «Гранит». Лифт, который останавливается только на нечётных. Правила, которые держат слой, пока субъект не вспомнит, что спит.

Нора надела пальто поверх халата — жест человека, не решившего, в каком мире он сегодня врач, а в каком — сообщница.

— Тебе нужно поспать по-настоящему, — сказала она. — Не час под седативом. Не «проверить архитектуру». Спать.

— Если я усну без карты, я уйду туда, где она, — ответил Майлз. — И ты это знаешь.

— Знаю. Поэтому говорю. — Нора остановилась у двери. — Пайк ждёт в десять. Мичиган-авеню. Не опаздывай в реальности так же артистично, как в третьем слое.

Дверь закрылась. Остались гул холодильника с ампулами, запах миндаля от остатков сыворотки и тотем в ладони — холодный свидетель. Майлз подошёл к окну. Снег лепил на стекло узоры, которые не подчинялись его правилам. Хорошо. Настоящий снег не обязан быть красивым.

Он вспомнил падение: Сиэтл сжимался в точку, Бостон раскрывался дождём, пустыня вставала зубом бункера. Вспомнил Пайка в глубине — без маски, с улыбкой человека, который путает победу с убийством. Вспомнил Нору, шагнувшую в белую пустоту за Коулом. Двенадцать секунд. Опять.

Эта книга начинается с пробуждения — потому что в глубине сна каждое пробуждение кажется концом. Но конец — только следующий слой. А слой, в котором вы читаете эти строки, ещё не самый глубокий: глубже — выбор, который Майлз сделает, когда Пайк снова положит на стол конверт и назовёт чужую голову отелем с почасовой оплатой.

Майлз спрятал тотем во внутренний карман. Стекло стукнуло о ребро блокнота — маленький звук, почти молитва. Он погасил свет в лаборатории, оставив один дежурный индикатор: красную точку, как глаз, который не моргает. На Пирс-роуд рассвет ещё не пришёл. Но зима уже считала минуты до того момента, когда город потребует от него ответа — не во сне, а наяву, голосом человека с золотой фишкой и безжалостной вежливостью.

На столе осталась записка Нору, прижатая ампулой: «Если тотем тёплый — не верь даже мне». Майлз улыбнулся без радости. Он и так не верил. Вера — роскошь для тех, кто не чертит чужие кошмары. Он застегнул пальто, вышел в коридор, где пахло сыростью и машинным маслом, и шагнул в чикагский холод так, будто проверял: мир твёрдый? Мир ответил ветром в лицо. Твёрдый. Пока.

За спиной лаборатория молчала — как зал ожидания между слоями. Впереди ждал Пайк. А между молчанием и Пайком лежала единственная честная вещь, которую Майлз ещё умел держать: холод стеклянной королевы и обещание, что Коула — и Нору, если придётся, — он заберёт не «когда-нибудь», а тогда, когда карта лимбо перестанет быть легендой и станет адресом.

В лифте здания на Пирс-роуд кнопки стирались от чужих пальцев — склад, мастерская, «не спрашивай». Майлз ехал вниз, хотя лаборатория была на втором: иногда телу нужно движение, чтобы мозг перестал падать. На первом этаже стояли ящики с надписью «хрупкое», и ирония была настолько прямой, что он даже не улыбнулся. Хрупкое — это всегда люди. Стекло тотема только делает вид, что оно важнее.

На улице таксист спросил: «В центр?» Майлз кивнул, потом передумал: — Нет. Сначала — набережная. Ему нужно было увидеть воду, настоящую, с мусором у свай и запахом топлива. Вода в снах слишком чистая или слишком чёрная — как лозунг. Здесь она была просто грязной, и это успокаивало сильнее любой сыворотки.

Он вышел к перилам. Ветер бил в щёки. В кармане блокнот шелестел страницами. Майлз открыл схему третьего слоя и карандашом, почти не глядя, дописал у края: «если Пайк войдёт — рвать архитектуру». Не протокол. Предчувствие. Предчувствия в их профессии либо спасают, либо становятся эпитафией.

Телефон вибрировал. Сообщение без подписи, но стиль Пайка узнать легко: коротко, без точки в конце, будто мир и так обязан понять. «10:00. Не опаздывайте. Ланг уже в воздухе к пятнице». Майлз убрал телефон. Пальцы снова поискали тотем — рефлекс, как крест у верующих, только без надежды на чудо. Холод. Хорошо.

Он вернулся в машину. Таксист молчал — редкая удача. Чикаго проплывал мимо витринами, где продавали тепло, которого у города не было. Майлз думал не о Ланге и не о деньгах. Он думал о двенадцати секундах как о единице измерения своей вины: сколько раз можно опоздать, прежде чем опоздание станет характером, а характер — приговором. Ответа не было. Была только дорога к Мичиган-авеню и кабинет, где золотая фишка уже ждала, чтобы стать судьбой.

Глава 1. Офис на Мичиган-авеню

В кабинете Уолтера Пайка не было табличек — только вид на реку и два стула друг напротив друга, будто мебель тоже умела допрашивать. Стекло от пола до потолка держало Чикаго на расстоянии вежливости: мосты, лёд, машины-точки. Майлз сидел ровно, как на допросе, который сам же и заказал. Тотем холодил бедро через ткань брюк — якорь, который не показывают заказчику.

Пайк не предложил кофе. Пайк вообще редко предлагал то, что можно отказаться принять.

— Ланг держит совет, — сказал он без прелюдий. Голос мягкий, почти заботливый, как у хирурга перед ампутацией. — Через неделю он подпишет слияние, которое сотрёт мою долю. Мне не нужен шпионаж. Мне нужна мысль, которая придёт к нему как своя. Чтобы он проснулся и сказал: «Я сам так решил».

— Внедрение, — поправил Майлз. — Не воровство.

— Назовите как хотите. — Пайк скользнул конвертом по полированному столу. Дерево блестело так, будто его кормили чужими секретами. — Внутри маршрут. Три слоя. Сиэтл, Бостон, пустыня у Солт-Лейк-Сити. Вы строите. Моя команда платит. Вы исчезаете. Красивая схема. Почти элегия.

Майлз не открыл конверт. Конверты Пайка всегда пахли бумагой и угрозой в равных долях.

— Почему я?

— Потому что вы единственный архитектор, кто вышел из лимбо с картой, а не с пустыми руками. — Пайк повернул к свету золотую фишку; металл вспыхнул коротко, как улыбка без зубов. — И потому что вас боится Нора Эшфорд. Страх умного человека — лучшая рекомендация. Она работает на меня до пятницы. Потом — свободна. Если свобода для неё ещё слово, а не диагноз.

Дверь открылась без стука — привилегия тех, кого зовут «доктор» даже в преступлении. Нора вошла в белом халате поверх пальто: как человек, который не решил, в каком мире он сегодня. На щеке таял снег. Глаза — сухие, внимательные, готовые считать чужой пульс раньше, чем своё сердцебиение.

— Майлз, — сказала она. — Мы снова идём вниз.

Не «здравствуйте». Не «давно». Только глубина. Между ними висело восемь лет, Пирс-роуд, письмо Елены и двенадцать секунд, о которых Пайк, возможно, ещё не знал — или уже знал и приберегал.

Пайк улыбнулся уголком рта:

— Доктор следит за пульсом. Вы — за геометрией. Разделите труд. Сделайте Лангу сон, в котором он сам захочет разрушить свою империю. Не сломать. Разрушить осознанно. Разница важна для моих юристов.

Майлз встал. В кармане тотем холодил ладонь сильнее, будто предупреждал.

— Нам нужны Коул, Айви и Деймон, — сказал он. — И неделя на архитектуру. Чужой разум — не отель. Его нельзя забронировать в последний момент. У Ланга тренированная память и подозрительность как спорт. Если мы полезем грязно, страж сожрёт команду до первого рывка.

— У вас четыре дня, — ответил Пайк. — Пятница. Ланг летит в Сиэтл на благотворительный вечер. Вы подсаживаетесь в его сон, как в лифт. Дальше — ваш этаж. Этаж, на котором я хочу увидеть его подпись в огне.

Нора подошла к окну, не касаясь стекла. Внизу река несла льдины.

— Какая мысль? — спросила она. — Точная формулировка. Не поэзия.

Пайк развёл руками:

— «Империя без наследника — пепел». Красиво? Мне всё равно. Главное — чтобы он поверил, что это его фраза. А наследник... — он помолчал ровно столько, сколько нужно, чтобы молчание стало ножом. — У Ланга есть сын. Шестнадцать. Портленд. Официально — «не афишируется». Неофициально — рычаг. Вы решите, как вставить рычаг в архитектуру. Я плачу за результат, не за мораль.

Майлз почувствовал, как во рту появляется вкус меди. Он ненавидел такие заказы — не потому что был святым, а потому что святость в их работе ломалась первой, а потом ломались люди.

— Мы не шантажисты, — сказал он.

— Вы архитекторы, — пожал плечами Пайк. — Шантаж — просто ещё одна несущая стена. Поставьте её там, где не рухнет крыша. Или рухнет вовремя.

За окном Чикаго гудел, как машина без водителя. Лифт в коридоре звякнул — кто-то из секретарей Пайка жил в мире, где сны ещё просто сны. Майлз кивнул. Он знал цену согласия. Знал цену отказа — тоже. Пайк платил в обоих случаях. Только в одном варианте платили другие: Коул лицом, Айви дозой, Деймон падением, Нора — тем, что останется от её имени, когда монитор покажет ноль.

Нора обернулась:

— Мне нужен доступ к его чекапу. Пульс, давление, история седативов. Без этого я не пушу вас глубже второго слоя.

— Будет к вечеру, — сказал Пайк. — Украдено красиво. Как и всё, что я люблю.

Майлз наконец взял конверт. Бумага была плотной, дорогой. Внутри — схема перелётов, фото отеля «Гранит», план благотворительного зала, пометка карандашом у моста через залив: «здесь боится». Пайк изучал чужие страхи, как другие изучают акции.

— Ещё одно, — добавил Пайк, уже провая взглядом к двери. — Если кто-то из вашей команды решит «спасти мир» посреди операции, я найду способ сделать так, чтобы его совесть работала на меня. Понятно?

— Понятно, — сказал Майлз. — Вы угрожаете. Мы записываем это как «мотивацию».

Нора тихо хмыкнула — почти смех, почти предупреждение. Они вышли вместе. В лифте между этажами она сказала, не глядя на него:

— Ты согласился слишком быстро.

— Я согласился восемь лет назад, когда не смог вытащить её. Остальное — продолжение платежа.

Лифт пах чужими духами и деньгами. Двери открылись в холл с мрамором, который притворялся вечным. На улице снег хлестнул в лицо. Майлз сунул конверт во внутренний карман рядом с тотемом: бумага и стекло, заказ и правда, два разных способа не утонуть.

— Пирс-роуд? — спросила Нора.

— Пирс-роуд. Созовём команду. И я хочу видеть ампулы до того, как Пайк решит, что химия — тоже его собственность.

Они шли по Мичиган-авеню сквозь толпу людей, которые не знали, что над их головами в башне только что купили чужой сон. Ветер нёс запах жареных орехов и выхлопа. Где-то далеко гудел трамвай. Майлз думал о Ланге — человеке, которого ещё не видел вблизи, но уже собирался разобрать на страхи, как чертёж. Думал о сыне в Портленде. Думал о том, что «империя без наследника» звучит как приговор, а приговоры в третьем слое приживаются крепче любовных клятв.

Нора остановила такси. Перед тем как сесть, она коснулась его рукава — коротко, по-деловому:

— Если снова начнёшь строить комнату с сиренью, я отключу тебе вход. Клянусь протоколом.

— Это была не сирень, — сказал Майлз. — Это была вина. У вины другой запах.

Такси тронулось. За стеклом Мичиган-авеню поплыла назад — офисы, флаги, люди с зонтами. Пайк остался наверху, как бог с фишкой вместо молнии. А внизу, в городе, который ещё не стал слоем, уже тикали четыре дня до пятницы: четыре дня, чтобы нарисовать Сиэтл так, чтобы он не рухнул раньше времени, и чтобы мысль, которую они посадят, не оказалась ножом, повернутым не туда.

В такси Нора достала планшет и открыла черновик дозировок. Цифры светились холодно. Майлз смотрел не на экран — на её профиль: человек, который умеет держать чужое сердце в числах и при этом не забывать, что у чисел есть имена.

— Коул ещё не знает про сына? — спросил он.

— Не знает. И Айви не знает. Деймон узнает последним, потому что он единственный, кто спросит вслух: «Мы делаем правильно?» — Нора не подняла глаз. — А ты уже знаешь ответ и всё равно везёшь нас в Сиэтл.

— Правильно — слово для судов. Мы делаем возможное. — Он помолчал. — Если мысль о сыне приживётся честнее мысли о слиянии, Пайк получит не то, что заказал. Меня это устраивает больше, чем его улыбка.

Нора наконец посмотрела на него:

— Тогда заранее реши, готов ли ты платить за «устраивает». В третьем слое цена всегда выше сметы.

Такси остановилось у светофора. Рядом в соседней машине женщина пела под радио — обычная жизнь, которую они снова собирались взломать через чужой сон. Майлз закрыл глаза на секунду и увидел не Елену, а мост: длинный, мокрый, с баржей внизу. Увидел Ланга у перил. Услышал собственный голос, произносящий слово, которое нельзя произносить легкомысленно. Открыл глаза. Светофор стал зелёным.

— На Пирс-роуд будет холодно, — сказала Нора. — Включите обогреватель до того, как начнёте спорить о морали. Мораль лучше звучит, когда пальцы не синеют.

— Ты шутишь, чтобы не кричать, — заметил Майлз.

— Я шучу, чтобы не уволиться до пятницы. Разница тонкая. — Она убрала планшет. — И ещё: если Пайк пришлёт «наблюдателя», я его не пушу к креслу. Даже если он придёт с золотой фишкой во лбу.

Майлз кивнул. Конверт жёг карман уже не метафорой — углом бумаги. Он вынул фото «Гранита» и долго смотрел на стеклянный фасад, пока здание не перестало быть отелем и стало задачей: где поставить страх, где — уют, где — дверь, через которую можно выйти, не оставив никого в белизне. Задача любила его так же мало, как он любил её. Но это была единственная любовь, которая ещё отвечала взаимностью — работой.

Глава 2. Лаборатория Норы

Клиника Норы стояла на окраине Чикаго так, будто стыдилась собственного адреса: низкий корпус без вывески, окна в жалюзи, парковка, где снег лежал серыми лепёшками между следами шин. Внутри пахло миндалём, спиртом и тем особым страхом, который люди прячут под словом «процедура». Кресла с ремнями стояли в два ряда, мониторы дышали зелёными линиями, холодильник гудел ровно, как сердце, которому запретили волноваться.

Нора водила Майлза между аппаратами, не касаясь его локтя, но держа дистанцию так точно, будто расстояние тоже было частью протокола. Халат поверх свитера. Волосы собраны. Взгляд — как у человека, который уже посчитал риски и всё равно открыл дверь.

— Седатив номер семь — для первого слоя, — сказала она, остановившись у стеклянной полки. Ампулы лежали в лотке, как драгоценности с плохой репутацией. — Номер девять — для второго. Для третьего... — она сделала паузу, и пауза прозвучала громче слов. — Для третьего мы рискуем. Ланг тренировал память. У него подозрительность как спорт. Он учился не забывать, а замечать швы.

Майлз смотрел не на ампулы — на её руки. Пальцы без дрожи. Врач, который слишком часто работает в чужих ночах, либо становится камнем, либо ломается тихо, в стороне от мониторов.

— У всех подозрительность, — сказал он. — Просто у богатых она в костюме и с юристами на скорости дозвола.

— Не умничай. — Нора открыла холодильник; холод ударил в лицо запахом пластика и льда. — У Ланга страж не зверь. У него страж — привычка. Привычки живут дольше монстров. Монстра можно испугать. Привычку надо разобрать по винтикам, и она всё равно соберётся заново, пока ты моргаешь.

Она достала папку — украденный чекап, который Пайк обещал «к вечеру» и прислал раньше, будто хотел напомнить: он всегда успевает первым. На листах — цифры пульса, история седативов, пометки чужого врача о «высокой толерантности к стрессу». Майлз пролистнул страницу и увидел то, чего не любил видеть: человек, который спит мало и контролирует много, уже наполовину живёт в режиме сна. Такие головы плохо принимают чужую архитектуру. Они чувствуют чужой угол стены, как зуб чувствует камень.

— Покажи схему, — сказала Нора.

Он развернул планшет. На экране вспыхнул первый слой: Сиэтл, дождь, «Гранит», мост через залив. Нора увеличила угол — и замолчала так резко, что тишина стала диагнозом.

— Ты снова добавил комнату с сиренью.

— Это не её комната.

— Майлз. — Она произнесла имя, как укол: коротко, в вену, без ваты. — Елена мертва восемь лет. Ты строишь из неё выходы. Выходы должны быть нейтральными. Окно. Дверь. Лифт. Не запах, который принадлежит мёртвой женщине и твоему отказу её отпустить.

Он не ответил сразу. В кармане тотем холодил бедро — стеклянная королева, которая умела быть честнее его. За окном клиники снег шёл косо, и фонарь на столбе мигал, будто тоже сомневался в собственной реальности.

— Я убрал сирень, — сказал он наконец. — Оставил свет. Просто свет. Без цветов.

— Свет тоже бывает её, — тихо ответила Нора. — Когда ты смотришь на него так, будто ждёшь, что она войдёт и поправит чертёж.

На столе у монитора лежало письмо — конверт без марки, бумага пожелтевшая по краю, будто время ело её медленно. Нора не прятала. Она положила конверт так, чтобы он видел: не сюрприз, а доказательство. Майлз узнал почерк раньше, чем прочитал строку. Елена писала с

лёгким наклоном, как человек, который спешит сказать важное до того, как сон станет удобнее правды.

— Она писала мне, — сказала Нора, не спрашивая, знает ли он. — «Удержи его на поверхности». Я пыталась. Ты уходил глубже. Каждый раз. Как будто поверхность для тебя — место, где режут без наркоза, а глубина — анестезия с красивым видом.

— Потому что на поверхности правда режет без наркоза, — ответил он. Голос вышел ровнее, чем он ожидал. — А внизу хотя бы есть карта. Или иллюзия карты. Иногда этого достаточно, чтобы не сойти с ума в лифте Пайка.

Нора вздохнула — не театрально, а по-медицински: вдох для решения, выдох для действия. Взяла шприц, проверила дозу на свет, щёлкнула ногтем по стеклу. В этом жесте была старая вера в инструменты и старое недоверие к людям, которые ими пользуются.

— Пайк дал мне контракт на пять дней, — сказала она. — После — я свободна. После — вы все свободны. Если выживете. Если не оставите куски себя в чужой голове, как забытые зонтики.

— А если Коул не вышел? — спросил Майлз и тут же понял, что вопрос звучит как эхо будущего, которого ещё нет, но которое уже дышит за спиной. В прологе этой истории Коул уже останется. Здесь, в клинике, до пятницы, до Сиэтла, до моста, Коул ещё был просто именем в списке.

Нора посмотрела прямо. В её глазах не было жалости — была точность.

— Тогда мы идём за ним. — Пауза. — Или ты снова оставляешь кого-то в лимбо, как оставил её. Не спрашивай, мягко ли я говорю. Мягкость не возвращает людей.

Майлз почувствовал, как тотем в кармане стал теплее на долю секунды — или показалось. Сжал кулак. Холод вернулся. Хорошо. Холод означал «здесь». Тепло означало «ты уже врешь себе».

Он обошёл кресло, коснулся ремня — кожи, стёртой чужими запястьями. Клиника Норы была честнее кабинета Пайка: здесь не притворялись, что преступление — это бизнес с видом на реку. Здесь пахло тем, чем пахнет работа: потом, страхом, химией, обещанием вытащить и риском не вытащить.

— Ланг приедет в Сиэтл в пятницу, — сказал Майлз. — Благотворительный вечер. Мы подсядем в его сон, как в лифт. Три слоя. Мысль, которая должна стать его. Пайк хочет, чтобы Ланг сам поджёт свою империю и назвал это решением.

— Я знаю, чего хочет Пайк, — ответила Нора. — Он хочет, чтобы чужая совесть работала по его расписанию. Вопрос в другом: чего хочешь ты? Вернуть долг Елене? Или доказать себе, что можешь провести команду туда и обратно, не оставляя никого в белизне?

Он молчал. Молчание было его старым согласием и старым отказом одновременно. За стеной кто-то кашлянул — ночная смена, человек с бумажным стаканчиком кофе, который не спрашивал, почему в клинике без вывески горят мониторы в три часа ночи.

Нора закрыла холодильник. Замок щёлкнул коротко, как точка в конце приговора.

— Я поставлю тебе лимит, — сказала она. — Никаких комнат, которые пахнут воспоминанием. Никаких выходов, которые зовут по имени. Если слой начнёт читать твою вину, он сожрёт архитектуру раньше, чем страж Ланга успеет моргнуть. Понял?

— Понял.

— Повтори.

— Никаких комнат с сиренью. Нейтральные выходы. Якоря Айви. Рывки Деймона. Лица Коула. Твой пульс. Моя геометрия.

Нора кивнула — едва заметно. В этом кивке было не прощение, а временный допуск к работе. Она протянула ему ампулу номер семь на ладони, не отдавая: только показать вес будущего в стекле.

— Седьмой держит первый слой до шести часов субъективных, если не рвать, — сказала она. — Девятый жёстче. Третий... третий мы смешаем в четверг, когда Айви приедет. И если ты снова опоздаешь на рынок — я отключу тебе вход раньше, чем Пайк успеет сказать «мотивация».

Майлз убрал руку в карман, коснулся тотема. Холодный. Он посмотрел на письмо Елены ещё раз — на строку, которая жгла даже закрытый конверт: «Удержи его на поверхности». Поверхность была Чикаго, снег, клиника, Нора, четыре дня до пятницы. Глубина уже звала — запахом миндаля и чертежом моста.

Он задержал взгляд на лотке с ампулами ещё раз — синее стекло ловило свет так, будто внутри уже плескался чужой дождь. В голове вспыхнул отель «Гранит»: фойе, бар, зеркало с задержкой, мост, вода. Не город, а ловушка с правилами. Ловушка, в которой нельзя ошибиться в двери.

— Собери команду, — сказал он. — Завтра строим Сиэтл.

Нора погасила один из мониторов. Комната стала темнее на слой — не меньше, не больше. За окном снег не прекращался. Майлз вышел в коридор, где лампы гудели дёшево и честно, и понял: завтра на Пирс-роуд соберутся те, кого можно потерять. А значит, сегодня ночью он ещё раз перерисует мост — не чтобы сделать его красивее, а чтобы не оставить на нём ни одного окна, в которое можно увидеть Елену и назвать это архитектурой.

Глава 3. Сбор команды

Склад на Пирс-роуд не притворялся офисом: бетон, пыль, длинный стол из дверей, лампа на проводе, запах металла и старого дождя, который когда-то протёк сквозь крышу и остался в памяти стен. Здесь когда-то собирали декорации для чужих снов. Теперь здесь собирали людей, которые умели в эти сны входить и — если повезёт — выходить.

Коул Мерсер пришёл первым. Чемодан поставил у ноги осторожно, как ставят то, что дороже денег. Усталость сидела у него в уголках глаз, но руки были спокойны: руки человека, который лепит лица быстрее, чем другие успевают соврать.

— Ланг в тридцать, в сорок и в старости, — перечислил он, открывая крышку. Внутри лежали формы, силикон, краски, зеркало в бархатном футляре. — Лицо держит, пока не вспомнит мать. Тогда трещит по шву у скулы. Не люблю матерей в снах. Матери — это правда, которую нельзя подделать гримом.

Майлз кивнул. На столе уже лежала схема первого слоя — карандашные линии Сиэтла, мост, контур «Гранита». Коул провёл пальцем по мосту, будто проверял, не порежется ли.

— Если он вспомнит сына раньше третьего слоя, маска умрёт раньше нас, — добавил Коул. — Я могу быть Лангом. Я не могу быть его любовью к ребёнку. Это не носится на лице.

Айви Бреннан вошла без стука, с термосумкой и выражением человека, который уже посчитал молекулы и теперь считает чужие ошибки. Она разложила ампулы по цвету на чистой салфетке: синий, зелёный, красный, жёлтый. Свет лампы сделал их похожими на сигналы светофора в мире, где красный значит не «стой», а «падай».

— Синий — вход, — сказала она ровно. — Зелёный — удержание. Красный — рывок. Жёлтый — только если Нора скажет. Иначе — лимбо для всех, и я не подписываю такие рецепты даже пальцем в воздухе.

— А если Нора скажет? — спросил Коул с кривой улыбкой.

— Тогда вы услышите мой голос раньше, чем успеете испугаться, — ответила Айви. — И всё равно будете бояться. Это нормально. Страх — побочный эффект глубины. Паника — уже ошибка дозировки.

Деймон Шоу появился последним. Пальто в снегу, перчатки в кармане, взгляд человека, который измеряет мир падениями. Он не здоровался долго. Подошёл к столу, постучал костяшками по дереву — раз, два — и только потом заговорил.

— Лифт в башне «Гранит». Пятнадцать этажей. Рывок на падении с тринадцатого. Проверено на симуляторе. На живых — проверим в пятницу. — Он посмотрел на Майлза. — Мост через залив — запасной. Баржа внизу. Если баржи не будет, вода съест слой раньше, чем я успею сказать «три».

Нора стояла у двери, как страж, которого никто не нанимал, но все слушали. Халат она сняла — остался чёрный свитер и часы на пульсе, будто время тоже было пациентом.

Майлз развернул карту шире. Сиэтл. Дождь. Отель «Гранит». Благотворительный вечер. Ланг в окружении людей, которые улыбаются, как в зеркале, — отражения отражений, пока кто-то не моргнёт не вовремя.

— Здесь мы не внедряем, — сказал Майлз. — Здесь мы готовим почву. Страх воды. Виновность за завод в Детройте. Один образ — мост, который ведёт в Бостон. Мысль «империя без наследника — пепел» должна созреть ниже. Наверху ей рано. Наверху она прозвучит как чужая реклама.

Коул присвистнул тихо:

— Красивая фраза. Пайк её сочинил?

— Пайк сочиняет приговоры и называет их поэзией, — ответил Майлз. — Мы сочиняем комнаты, в которых приговор кажется собственным решением.

Нора шагнула ближе к столу.

— Сколько слоёв?

— Три. — Майлз ткнул карандашом в схему. — Поверхностный — Сиэтл. Промежуточный — Бостон, дождь, погоня. Глубинный — пустыня у Солт-Лейк-Сити, бункер, где Ланг прячет решения без свидетелей. Там сейф. Там стол. Там место, где человек говорит правду, потому что думает, что вокруг никого.

— А четвёртый? — спросила Айви. Голос был спокойный, но пальцы замерли над жёлтой ампулой.

Майлз не ответил сразу. В углу склада капало из трубы — медленно, как чужой пульс. Он слушал капли и думал о белизне, в которой тонут имена, о двенадцати секундах, которых ещё не было, но которые уже ждали в будущем, как долговая расписка.

— Четвёртый — для тех, кто не успел на рывок.

Тишина пахла медью и пылью. Коул усмехнулся без радости:

— Лимбо.

— Лимбо — не план, — сказал Майлз. — План — вернуться до рассвета. План — держать якоря. План — не строить комнаты, которые зовут покойников по имени.

Деймон постучал по столу снова — теперь сильнее:

— Пайк платит аванс?

— Пайк платит страхом, — ответил Майлз. — Аванс — потом. Если «потом» случится.

Айви подняла бровь:

— Страхом не купишь реактивы.

— Страхом купишь тишину, — сказала Нора. — А тишина в нашей работе дороже реактивов. Пайк умеет сделать так, чтобы полиция не интересовалась складом на Пирс-роуд, а больницы не интересовались тем, почему у людей на запястьях следы от ремней. Это тоже валюта.

Коул достал из чемодана маску Ланга сорока лет — ещё без краски, только форма. Положил на стол рядом со схемой. Лицо смотрело в потолок пустыми глазницами формы, и Майлзу на секунду показалось, что пустота смотрит в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.